

Дар в практике религиозного выбора: из истории христианизации «иноверцев» Западной Сибири в конце XVI-XVII вв.

КОНЕВ АЛЕКСЕЙ

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), Россия

e-mail: aldimoks@mail.ru

Изучение истории приобщения автохтонных народов Сибирского Севера к православной вере имеет солидную историографию, и, естественно, ряд дискуссионных тем. Одной из них является вопрос о методах и формах христианизации, их соотношении и эффективности. При этом практически все исследователи признают, что существенную роль в процессе обращения играли подарки и льготы, установленные для тех, кто переходил в православие из язычества и ислама. Историки неоднократно обращались к правительственным распоряжениям, определявшим номенклатуру подарков и формы льготирования новокрещенных в Сибири XVII - XVIII вв., их реализации [Сулоцкий, 2001; Огрызко, 1941; Миненко, 1975, с. 263-282; Главацкая, 2006, с. 202-263; Софронов, 2007]. И все же данный материал использовался фрагментарно - в качестве иллюстрации процесса религиозной конверсии, не являясь предметом специального изучения. Не проводилось сравнения с соответствующей практикой в соседних с Сибирью регионах, населенных мусульманами и язычниками. В настоящей публикации предлагается восполнить некоторые пробелы в изучении заявленной темы, подойдя к её осмыслению с позиций теории дарообмена. В этой связи интересны следующие вопросы: имело ли это одаривание исключительно церемониальный характер и религиозное значение или в нём можно выявить договорное и социально-экономическое содержание; предполагало ли такое дарение отдарок; в какой связи дар власти по случаю крещения находился с иными «пожалованиями» представителям автохтонного населения на начальном этапе русского присвоения Сибири?

По всей видимости дарение от лица власти и восприемников иноверцам, принимавшим «христианскую веру Греческого закона» было весьма давней традицией. Генрих Штаден, применительно к 60-70 гг. XVI в. сообщает об этом как о сложившемся правиле. «Для московских господ великая радость, когда иноземец крестится и принимает русскую веру ... Обыкновенно они же бывают и крестными отцами и из казны выдают новокрещенным крестильный подарок (Patentpfennig) и золотые». Правда, отмечает Штаден, когда его знакомый Фромгольд Ган, пожелавший стать православным, вышел из монастыря крестившись, то «получил крайне незначительный крестильный подарок, потому что не догадался попросить в крестные отцы настоящих бояр». В монастыре он «пребывал, как полагается, шесть недель ... , где его поучали и наставляли в русской вере» [Генрих Штаден, 1925, с. 139]

Посетивший Россию без малого через сто лет после Штадена Адам Олеарий в своих записках фиксирует практически не изменившийся порядок крещения иноверцев: «Иностранные отпавшие христиане, равно как и татары и язычники, обращающиеся к русской вере и желающие креститься, сначала держатся шесть недель в

монастыре, причем монахи обучают их религии, т.е. большею частью, их способу молиться, признавать святых, кланяться их иконам и знаменовать себя крестным знаменем. Потом их ведут для крещения к реке, где они трижды должны плевать на свою прежнюю религию, как на еретическую и проклятую, и клясться никогда более не принимать ее. После крещения они одеваются в новое русское платье, подаренное им великим князем или другими вельможами, их восприемниками, и им доставляется содержание, глядя по состоянию их». [Олеарий, 2003, с. 265]

Безусловно, традиционные подарки на крещение имели прежде всего символическое (одежда) и сакральное (нательный крест) значение, связанное с духовных обновлением, перерождением человека. Находившийся в 1654-1656 гг. в Московском государстве вместе с Антиохийским патриархом Макарием архидиакон Павел Алеппский, сообщает: «Крестившийся получает от щедрот царя одежду, сукна и много динаров, и один из государственных сановников бывает его крестным отцом. После крещения бросают все его платье и надевают на него новое, даже (новый) колпак на голову и (новую) обувь на ноги. Они твердо верят, что именно такой крестный отец избавляет от мрака неведения и руководит к истинному свету. Впоследствии мы видели, как они крестили взрослых людей в нашем присутствии в Москва-реке. . . . Мы увидели нечто чудесное: их лица, быв черными и мрачными, тотчас – о удивление! – преобразились в сияющая светом. Их было трое мужчин: двое из татар молдван (мордва), а третий из ханских татар». [Путешествие, 2012, с. 325-326.]

Отмечу, что Павел Алеппский застал период, когда активизировалось крещение иноверцев на территории бывшего Казанского ханства. В 1640-50-е гг. прошла также серия крещений выезжих Чингисидов. В частности, принял православие сибирский царевич Иш-Мухаммед ибн Алтанай. Родовитому татарину дали «на крест» 1000 рублей, несколько атласных тканей разного цвета, камку и кармазин [Беляков, 2011, с. 357-358]. А.В. Беляков отмечает, что размеры таких дач в XVI в. могли быть и более значительными. В середине XVII в. они заметно увеличились по сравнению с первой половиной столетия, в связи с «личным участием царя Алексея Михайловича в проекте по продвижению православия среди знатных татар» [Беляков, 2011, с. 358].

Эти свидетельства очень важны, так как дают представление о том, каким образом могло быть организовано и обставлено в конце XVI – первой половине XVII вв. крещение лиц из числа аборигенной элиты Северо-Западной Сибири, в том числе, обдорского князца, нареченного Василием, Учота - внука воинственного пельмского владетеля Аблегирима, представителей кодской княжеской династии Алачевых. К сожалению об этих событиях сохранились отрывочные и весьма скудные сведения [РИБ, 1875, ст. 152-153; Сулоцкий, 2001; ПСРЛ, 1987, с. 150; Бахрушин, 1955, с. 133, 145].

Принятие православия татарскими царевичами, остяцкими и вогульскими князцами в процессе присоединения региона к Русскому государству имело существенное политическое значение. В этой связи следует обратить внимание на содержание опубликованного Т.А. Опариной текста «Оглашения» из «Просветителя Литовского I» [Опарина, 1998, с. 342]. Эта катехитическая книга предназначалась для обращаемых в православие западных христиан (преимущественно выходцев из Речи Посполитой). Указанный текст наставлял новокрещаемого, подтверждая не только полное отречение от прежних религиозных убеждений, но и очерчивая круг его обязанностей как верного подданного Московского государя: «и за Христа моего, и за православную веру греческаго закона, и за святая церкви, и за многолетное здравие государя царя и великаго князя (имярек) всеа Русии рады кровь свою при-

ляти и пострадати до смерти. А от Московскаго государства изменным делом не отъехать, и ни которые порухи не учинити и измены». Таким образом, отмечает Т.А. Опарина, в данном фрагменте текст анафематизмов напрямую пересекался с текстами присяги государю [Опарина, 1998, с. 342; Белякова, Мошкова, Опарина, 2017, с. 374-376]. Пока в распоряжении исследователей, насколько мне известно, нет аналогичных «оглашений» иноверцев из магометан и язычников, в том числе сибирских, но не исключено, что в XVII в. такая формула могла быть предложена и для них.

Что касается крещения рядовых сибирских иноземцев, то уже в конце XVI в. такие случаи не были редки, но связаны, как правило, с «полоном». Грамота на имя сургутского воеводы С.М. Лобанова-Ростовского от 11 сентября 1598 г. (вероятно аналогичные грамоты были разосланы и в другие сибирские города), касавшаяся взятого служилыми людьми ясыря из местных «остяков» и «тотар» подробно указывает как поступать с теми, которых успели окрестить. Прочитую этот фрагмент полностью: «А которые будут полоняники, жонки и девки, крещены, и вы б их выдавали замуж за служивых людей, за стрелцов и за казаков, которые похотят женитца. А которые будут полоняники, робята, крещены и поспели в нашу службу, и вы б им велели быть в стрелцах и в казаках, и наше им денежное и хлебное жалованье давали по нашему указу. А которые будут полоняники крещены малы, в нашу службу не поспели, и вы б им велели быть в Сургуте хто у ково хочет жить или у тех же людей у которых ныне живут, покаместа они подростут и поспеют в нашу службу. А как они в нашу службу поспеют, и вы им потому ж велели быть в стрелцах и в казаках». [РГАДА, ф. 214. оп. 1. кн. 1. л. 53-54.] Безусловно никаких специальных подарков «на крест» в этих случаях не предусматривалось. В дальнейшем правительство стремилось пресечь практику крещения иноземцев служилыми людьми, о чем свидетельствуют соответствующие статьи воеводских наказов.

И.И. Огрызко совершенно верно заметил, что для XVII в. можно выделить две группы новокрещенных сибирских туземцев – те, которые были взяты в «полон», куплены и крещены по сути насильно их владельцами, и те, кто в силу разных обстоятельств приходили ко крещению добровольно из числа уже приведенных в подданство – аборигенной элиты и ясачных [Огрызко, 1941, с. 10, 16, 21, 23]. Одним из показательных примеров второго варианта для начала XVII в. служит известный случай с чувовскими Бай мурзой, его братьями Кулаком и Казаком Артыбашевыми и тагильским «вагулятином» Обайткой. Пожалуй, это первый документально зафиксированный факт царского «жалованья для крещенья» представителям сибирских племен. В Верхотурье «до указа» им был дан «корм» и «по два сукна средних, да по рубашке, да по сапогам». Отпущенные с ясаком в Москву Баим, в крещении Павлик, и Афонька (Обайтко) получили в столице от царского имени соответственно пять и три рубля и «сукно доброе», мурзе выдали ещё и отрез тафты. Двум братьям Иванке и Петрушке «велено дать на Верхотурье, по три рубли да по сукну по доброму». Царской грамотой от 5 мая 1603 г. также предписывалось определить всех их в «нашу службу служить на Верхотурье, в стрелцах, на выбылых стрелцов место» [АИ, 1841, с. 56]. Вероятно сопровождение ясака было поводом для отправки «новокрещенных», чтобы представить их, как считал С.В. Бахрушин, государю [Бахрушин, 1955, с. 99].

В XVII в. установилась норма выдачи «на крест» сибирским ясачным иноверцам. Об этом, в частности, свидетельствует содержание челобитной иркутского воеводы И.Е. Власова 1682 г., на имя царя Федора Алексеевича из которой явствует, что государевым указом «велено призывать иноземцев в православную христианскую

веру, и будет похотят которые креститца, и тем новокрещеным за крещение давать твое великого государя жалованье по три рубли денег, да по сукну» [ДАИ, 1862, с. 312]. Общим правилом для Сибири было исключение таковых новообращенных туземцев из ясачного оклада с поверстанием в службу на выбылые места или определением жить в монастыре или за русскими людьми, за которыми они пожелают. Интересно, что в отношении поволжских татар, мордвы и черемис с 1681 г. указом того же государя велено «денежного жалованья, и соболей, и сукон за крещение не давать», а вместо этого для новокрещенных служилых татар и мурз устанавливалась льгота в службе на шесть лет, а для новокрещенных ясачных - такая же льгота «в ясаке и во всяких подотях». Объяснялось это тем, что «иноверцы многие крестятца, ... а нашего великого государя жалованья, за недоборы денежной казны, за крещение им в городах не дано» [ДАИ, 1862, с. 310-311].

Два этих документа свидетельствуют не только об установившихся в начале 1680-х гг. региональных отличиях в награждении иноверцев-автохтонов за крещение, но и о сохранявшейся специфике положения ясачных людей в Поволжье и в Сибири в XVII столетии. Это объяснялось в том числе и масштабами христианизации у тюрков и угров европейской части страны. Ещё в результате миссионерской деятельности первых архиепископов Казанских Св. Гурия и Германа во второй половине XVI в. формируется слой «ясачных новокрещен», которые хотя и отселялись от своих некрещенных единоплеменников, но из ясачного оклада не исключались [Загидуллин, 2016]. Данные факты, на мой взгляд, служат еще одним доказательством того, что сибирские ясачные иноземцы представляли особую социально-правовую категорию населения, и никакого единого «ясачного сословия» в России в этот период не сложилось. Примечательно также, что с началом массовой христианизации в Сибири и отменой с 1703 г. правила по которому крестившиеся исключались здесь из числа ясачных, правительство подтвердило существовавшую в предшествующий период практику относительно награждения тех, кто «восприимет Христианскую веру». Сенатским указом от 1 сентября 1720 г. на докладные пункты сибирского губернатора А.М. Черкасского было велено «награждение давать против прежняго и по своему разсмотрению» [ПСЗ, 1830, с. 234].

Подводя итоги можно отметить, что:

- факт крещения выступал важным шагом в процессе превращения вчерашнего «иноземца» в полноценного подданного и в этом смысле выходил за рамки смены исповедания, сопровождавшие его дары приобретали обязывающий для новообращенного характер не только по отношению к Церкви, но и к государству. При этом ожидаемым ответным шагом были лояльность и верная служба;
- дар власти в ответ на крещение, как и «государево жалование» в ответ на уплату ясака и «поминок», символизировал покровительство православного царя над новыми подданными, определяя параметры и условия самого подданства;
- осуществлявшееся светскими властями и восприемниками одаривание иноверцев по случаю их крещения выступало своеобразным маркером, подчеркивая статус дарителя и одариваемого, выстраивая иерархические отношения и указывая на принадлежность новокрещенного к определённой социальной группе.

Эти выводы, в совокупности с уже полученными результатами изучения реципрокных отношений на западносибирском Севере [Конев, 2017; Ссорин-Чайков, 2017, с. 34-35], позволяют заключить, что дарообменные практики на начальных этапах русского присвоения и освоения Сибири были универсальной формой взаимодействия между государством и аборигенными социумами в различных сферах.

Список источников и литературы:

АИ. Т. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. 438

с.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. История народов Сибири в XVI-XVII вв. М.: Из-во АН СССР, 1955. 300 с.

Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.

Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 480 с.

Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вст. статья И.И. Полосина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 183 с.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII-XX вв. Дис. ... док. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 346 с.

ДАИ. Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 350 с.

Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в Казанском крае во второй половине XVI-начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 146-166.

Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII-XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43-56.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 307 с.

Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, 1941. 147 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 408 с.

Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 431 с.

ПСЗ. Т. VI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 817 с.

ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987.

379 с.

Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. Издание второе. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2012. 728 с.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 53-54.

РИБ. Т. 2. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 1236 ст.

Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, Политология. 2007. № 4-2. С. 138-144.

Ссорин-Чайков Н.В. «Купцы и инородцы» сто лет спустя: введение // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 30-42.

Сулоцкий А.И. О крещении сибирских инородцев // Сулоцкий А.И. Сочинения в трех томах: Т. 3. Из архива Александра Сулоцкого / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2001. С. 256-267.